

Некоторые мысли о взаимоотношениях гуманитарных организаций и средств массовой информации

Урс Бегли¹

Современные конфликты часто протекают в атмосфере информационного вакуума — пришло время что-то предпринять для того, чтобы заполнить его.

Те, кто ведет войну сегодня, кажется, испытывают все меньше и меньше желания быть услышанными, и в большинстве случаев у них есть на это полное основание. В эпоху, сменившую период холодной войны, воюющие стороны уже не столь озабочены тем, что о них думает окружающий мир. Они больше не опасаются вызвать раздражение своих покровителей или смутить их — впрочем, в большинстве случаев у них и вовсе уже нет покровителей, да они и не нуждаются в них. Они больше не мечтают, как многие лидеры национально-освободительных движений еще несколько десятков лет назад, о том, чтобы выступать с речами в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Многих просто не заботит то, какое впечатление складывается о них на международной арене, и окружающий мир их не интересует.

Другие «ключевые фигуры», задействованные в таких кризисах, — активные участники международных событий: организации, подобные МККК, представители правительств и наделенные международным мандатом военные чины — так же, как правило, предпочитают хранить молчание. У них на это тоже есть уважительные причины. Часто бывает, что та или иная идея требует тщательной подготовки для своего осуществления, и малейшая огласка может полностью разрушить все хрупкое построение. Например, в ситуации, когда МККК организует обмен пленными между двумя враждующими странами, вряд ли нужно, чтобы какой-то журналист развонил об этом за десять дней до назначенной даты. Ситуация может быть настолько щекотливой на этой стадии, что молчание будет единственной разумной линией поведения. Но иногда

¹ Урс Бегли является руководителем Отдела по связям со средствами массовой информации МККК. В прошлом он работал в качестве делегата и главы делегации в различных зонах конфликта.

Материалом для этой статьи послужило выступление автора на проходившей в Лондоне конференции «Сообщения из зон катастроф» (28 мая 1998 г.).

Статья написана на английском языке.

молчание мало чем можно оправдать, например, в том случае, когда дипломатам просто нечего сказать, поскольку — и это весьма характерно для нашего времени — отсутствует политическая воля решать политические проблемы политическим путем.

Природа не терпит пустоты, и жаждущие действия гуманитарные организации стремятся заполнить собой образовавшуюся брешь, в то время как те, кто действительно мог бы сыграть важную роль, предпочитают оставаться в тени. Гуманитарные организации преследуют, естественно, иные цели, нежели дипломаты, миротворцы и другие. Первые часто ощущают потребность занять определенную позицию. Хотя это желание нередко продиктовано соображениями, связанными с привлечением финансовых средств и, следовательно, с необходимостью громко заявить о своей позиции, возможность высказать свое мнение приносит к тому же моральное удовлетворение и льстит самолюбию. В этом случае «информационное сообщение» обычно бывает кратким и пронзительным не только в силу своего характера, но и потому, что время нахождения в кадре, которое вам в действительности дается, не позволяет объяснить, что же в самом деле происходит. Сотрудники гуманитарных организаций, часто позирующие с умирающими детьми на руках, стали основным источником информации из многих зон конфликтов, но их сообщение сводится к нескольким кадрам и звуковым фрагментам, втиснутым в рамки протяженностью в две с половиной минуты.

В результате в последнее время в программах новостей, где рассказывается о событиях многопланового характера, преобладают чисто гуманитарные вопросы (как, например, спасти жизнь голодающих). Слишком большому числу бедствий, которые вызваны причинами политического характера и могут быть разрешены лишь политическим путем, в наше время приклеивается ярлык «гуманитарного кризиса». Как верно заметил мой знакомый из организации «Врачи без границ», изнасилование есть изнасилование, и никому не придет в голову называть его «гинекологической катастрофой». Но в отношении многих конфликтов неоднократно используется термин «гуманитарная катастрофа», хотя в действительности они представляют собой нечто большее. Реакция международного сообщества, таким образом, направлена в ложное русло, то есть на чисто гуманитарную деятельность, в тех случаях, когда требуется осуществить действие именно *политического* характера. В эпоху, когда телевизионные репортажи дают нам возможность тотчас же увидеть происходящие события, политикам не хватает духу принимать решительные и действительно необходимые меры, включая направление в отдельных случаях войск для восстановления порядка в ситуациях, чреватых угрозой людских потерь, поскольку это может неблагоприятно сказаться на их предвыборных кампаниях. Все в большей степени политические лидеры склонны пускать дело на самотек. Гуманитарные же действия, в отличие от политических, можно предпринять всегда, и за небольшую плату с точки зрения политического престижа. Их должным образом снимают на пленку и показывают восхищенной публике. И реальность, стоящая за самим «событием», неизбежно искажается.

Среди неблагоприятных последствий, к которым ведет такое освещение гуманитарных операций в средствах массовой информации, надо назвать влияние на безопасность осуществляющих эти операции людей и на их доступ к тем, кому они хотят помочь. Как и многие другие организации, МККК убежден, что сделанные экспромтом заявления могут быть чрезвычайно опасны. Существует нечто такое, что один из ведущих программы новостей Би-би-си Ник Гоунг определил как «тирания реального времени»: малейшая обмолвка в интервью может моментально разлететься по всему миру и причинить непредсказуемый вред самого ошеломляющего характера и в самых неожиданных местах. Недавний опыт работы на местах МККК показывает, насколько это верно. Год 1996 стал *annus horribilis* для Международного Комитета. В этот год были убиты девять его делегатов, шестеро из которых — в Чечне. Всего лишь через несколько дней после убийства в Чечне мальчишка-солдат — один из африканских «новых воинов» — подошел к делегату МККК, который, возможно, был слишком напорист, и сказал: «Если вы не будете осторожны, мы вам покажем Грозный!» Это было жутко. Открытая угроза дала нам понять, насколько быстро распространяются новости в наши дни и какую проблему это может создать. Вы встречаете людей посреди буша, у которых, возможно, где-то есть спутниковая тарелка. Они узнают, слушая Си-эн-эн и Би-би-си, что происходит; они понимают, насколько уязвимы гуманитарные организации, и они используют полученные знания.

Это не значит, что реакция МККК на действительность должна заключаться в том, чтобы меньше сообщать о своей деятельности. Наоборот, так или иначе мы должны достучаться до тех, кто развязывает современные конфликты. Задача не из простых, если учесть, что подчас воюющие стороны — это вооруженные до зубов и одуревшие от наркотиков юнцы. В то же время нам нужно лучше наладить связь с такими средствами массовой информации, которые проводят поздно вечером часовые программы аналитического или дискуссионного плана.

Все это подводит нас к проблеме обличения. В ходе Второй мировой войны МККК проявлял чрезвычайную осторожность и сдержанность, не предавая на определенной стадии огласке информацию о концентрационных лагерях, опасаясь тех последствий для своей деятельности в пользу военнопленных, которые могло бы вызвать какого-либо рода публичное заявление. Последовал тщательный критический анализ собственных действий, и сегодня ясно, что бывают такие времена, когда моральный долг не позволяет молчать. Впрочем, гласность в качестве способа добиться каких-то реальных изменений чрезвычайно переоценивается. В этом я опираюсь на собственный опыт, на опыт человека, который давал интервью прессе о генерале Младиче и этнических чистках, и делал представления по этому вопросу непосредственно генералу Младичу. Разговаривать с журналистами гораздо проще, поверьте мне. Дело в том, что в наши дни вы можете обличать кого угодно — особых результатов это не даст. Поэтому гуманитарные организации должны хорошенько подумать, прежде чем встать на этот путь. Им следует помнить о нравственном императиве

и в крайнем случае действовать, подчиняясь его велению, но нельзя переусердствовать, играя этой «обвинительной картой» в ситуации, когда реально ожидаемый результат никоим образом не поможет решению самой проблемы.

Дилемма, перед которой МККК стоял во время Второй мировой войны, представляется столь огорчительной с точки зрения сегодняшнего дня из-за ощущения, что, несмотря на все ужасающие факты, о которых было известно МККК, союзническим державам и некоторым другим странам, мы не сделали всего, что можно было сделать. Вряд ли подобная ситуация может возникнуть в наши дни в силу того, что информация сейчас легко доступна для тех, кто в состоянии воздействовать на ход событий. Проблема заключается скорее в отсутствии политической воли предпринимать необходимые действия.

Наконец, говоря о преувеличенном внимании прессы к вопросам гуманитарного характера, мы должны признать сложность, столь часто присущую таким ситуациям. Если мы имеем дело с конфликтом, будем и называть его конфликтом; если в основе его лежит политический кризис, следует говорить о политическом кризисе. Любой гуманитарной деятельности, естественно, нужно уделять соответствующее внимание, но не львиную его долю. Общественность заслуживает того, чтобы ей рассказывали о том, что происходит в действительности, и нет оправдания попыткам умалить сложность ситуации. Необходимо давать как можно более полную картину происходящего.

К сожалению, сбор и передача информации о сложных чрезвычайных ситуациях — это трудный, тяжелый процесс, который требует подготовки. Журналист вы или сотрудник гуманитарной организации — вам нужно время, для того чтобы понять происходящее. Гуманитарные организации должны научиться давать более четкую, достоверную информацию о неоднозначных ситуациях. В 1984 г., когда репутация гуманитарных организаций была лучше, нежели сегодня, известная ниспровергательница столпов Жермен Грир написала о голоде в Эфиопии нечто, на мой взгляд, неверное, несправедливое и уж точно неприменимое к моей организации. Но все-таки ее слова засели у меня в голове. Она писала, что гуманитарных работников следует поощрять, им нужно оказывать поддержку, но боже упаси верить им. Ужасные слова, и я надеюсь, что это неправильно. Однако следует помнить о столь резкой оценке и постараться ее опровергнуть.

Если вы чего-либо не знаете, вы всегда можете сказать: «Я не знаю». Импровизация не имеет оправданий. Вероятно, вы можете сказать: «Никто не знает», потому что это во многих случаях действительно соответствует истине. Все упростить — не самая хорошая идея. Я знаю очень мало сотрудников гуманитарных организаций, которых бы удовлетворили такие внушительные статистические данные, как, например, миллион человек, уничтоженных красными кхмерами (согласно недавней пересмотренной оценке, возможно, и два миллиона), или же сообщение о количестве случаев изнасилования в Боснии, или же о числе невинных гражданских лиц, убитых в бывшей Югославии. МККК столкнулся с этой проблемой, когда заявил о том, что в мире установлено около 110 миллионов противопехотных мин, — цифра, полученная от ООН, кото-

рой мы пользовались весьма свободно. Когда одна из британских организаций оспорила ее, нам пришлось быстро дать задний ход. Естественно, ваши шансы появиться в вечерних новостях возрастут благодаря шокирующим цифрам — они пользуются большим спросом. Но если вы не знаете, кто проводил подсчеты, сначала хорошенько подумайте, иначе вам останется лишь сожалеть о собственной неосмотрительности.

И наконец, нужно отметить, что гуманитарные организации больше не обладают преимуществом относительно информации о событиях на местах. Когда я начинал работать в МККК, репортеры выстраивались в очередь перед нашими представительствами на местах, потому что мы шли дальше и знали больше. Но с тех пор журналистика стала очень жесткой профессией. Просто представьте себе тот риск, которому многие журналисты подвергают себя в наши дни, принимая это как нечто само собой разумеющееся. Некоторые из них знают больше, нежели работники гуманитарных организаций или по крайней мере столько же. Такая ситуация должна быть использована для установления диалога.

И в заключение надо сказать, что, если мы станем придерживаться фактов и не будем бояться признавать, что мир устроен сложно; если мы признаем, насколько важно постараться услышать тех, кто действительно знает обстановку; если мы будем проявлять осмотрительность; если мы не станем безоговорочно доверять огромным цифрам, которые столь часто появляются в сообщениях, связанных с нашей областью деятельности, тогда мы по крайней мере сделаем несколько шагов к завоеванию большего доверия к себе. А доверие нам жизненно необходимо.
